

Арсункаев М.Х. Феномен владения в отечественной правовой науке // Академия педагогических идей «Новация». – 2019. – №11 (ноябрь). – АРТ 255-эл. – 0,2 п. л. – URL: <http://akademnova.ru/page/875548>

РУБРИКА: ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 347

Арсункаев Мансур Хайрдиевич

магистрант 2 курса, 0.04.01 Гражданское право

Чеченского государственного университета

г. Грозный, Российская Федерация

e-mail: darkkeyleb2@yandex.ru

ФЕНОМЕН ВЛАДЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРАВОВОЙ НАУКЕ

Аннотация: В статье рассмотрены ключевые особенности феномена владения в русле отечественной науки. Обращается внимание на сущность и преемственность взглядов российских цивилистов на проблематику владения.

Ключевые слова: владение, собственность, гражданское право, правовой институт.

Arseniev Mansur Hygienic

magistrant 2 year, direction 0.04.01 Civil law

Chechen state University

G. Grozny, Russian Federation

e-mail: darkkeyleb2@yandex.ru

THE PHENOMENON OF OWNERSHIP IN DOMESTIC LEGAL SCIENCE

Abstract: the article deals with the key phenomena of ownership in the mainstream of domestic science. Attention is drawn to the essence and continuity of views of Russian civilists on the problems of ownership.

Keywords: ownership, property, civil law, legal institution.

Рассуждения о владении в отечественной литературе зачастую сводятся к его определению через категории «фактического господства», «телесного держания», «контроля над вещью» [6]. Из этих воззрений исходят и составители проекта ГК РФ, в п. 1 ст. 209 которого планируется закрепить дефиницию владения, согласно которой «владение означает фактическое господство лица над объектом владения (статья 211) и сохраняется до тех пор, пока владелец имеет свободный доступ к объекту владения».

Столь незамысловатый подход к исследуемому понятию будет привычен и судам, которые уже сейчас в большинстве случаев связывают владение с нахождением вещи в хозяйственном или фактическом господстве у лица, которое фактически осуществляет контроль над этой вещью и имеет реальную возможность распоряжаться вещью путем изменения как самой вещи, так и ее юридической судьбы. Однако, такая тривиализация без попытки познать суть самого явления со стороны как отдельных цивилистов, так и судов, по меткому высказыванию Д.В. Дождева «уничтожает предшествующий этап осмысления, собственно интеллектуальную фазу развития института» [3].

Если понятие права собственности в отечественном праве осталось практически неизменным с момента принятия первого Свода законов Российской империи, то подходы к категории владения всегда отличались многообразием. Предпосылкой к этому стало то обстоятельство, что ни в X томе, ни в каком другом не давалось определение понятию владения или способов его приобретения. Регулирование ограничивалось лишь указанием на запрет осуществлять самовольный захват вещей (ст. 531, 690 т. X ч. 1 и ст. 637 т. XVI ч. 2 Законов о судопроизводстве гражданском) [2].

Неоднократно в литературе обращалось внимание на связку «владение – собственность», поскольку первое «обыкновенно предшествует собственности и служит ее заменой там, где понятие о праве собственности еще не утвердилось, и по меткому выражению Мейера Д.И. является «вестником права собственности»[4].

Вместе с тем, установление данной зависимости не приближает нас к ответу на вопрос, что понимается под владением в отечественном правопорядке. В доктрине помимо очевидного варианта отождествления владения с собственностью или определения его как одного из элементов собственности наряду с пользованием и распоряжением, традиционные встречались концепции, аналогичные тем, что сформировались в германской пандектистике [4].

Как правило, владение в них сводилось либо к самостоятельному праву, отличному от права собственности, которым наделяется не собственник, а иное лицо, либо указывалось, что владение — это не что иное, как факт «...независимый от права, в некоторых случаях и противоположный праву» [6]. Одним из основных аргументов, который выдвигают сторонники «правовой» теории владения заключается в том, что владение (во всяком случае, законное) защищается правопорядком.

Абсолютно логичным в таком случае выглядит вопрос к сторонникам противоположной теории о том, что же защищается в таком случае, если владение – это не право?

В качестве ответа приводят следующий аргумент: нарушение может относиться не к самому владению, а какому-то постороннему праву, например, в случае с насильственным посягательством на владение «здесь прямо нарушается право личности владельца» [5]. Кроме того, сторонники «фактической» теории владения обращают внимание на следующие аргументы в защиту своей концепции. Во-первых, всякое право законно и не может быть подложным, насильственным или самовольным, а поскольку сам закон допускает категорию «незаконного владения» (ст. 523 Свода законов Российской Империи) речь не может идти о праве, только о фактическом состоянии. Во-вторых, даже если бы правопорядок был упразднен, владение осталось бы.

Однако, в отсутствие прямого разрешения вопроса в законе, спор не прекращался вплоть до начала XX века.

Если же говорить об элементах владения, то еще в дореволюционной отечественной литературе встречалась схожая с римским правом позиция о волевом и физическом элементе владения. Понимание современниками К. Анненкова владения приведено в его книге, автор указывает, что «владению и по нашему закону должны быть присущи собственно те же самые отличительные признаки, которые устанавливались правом римским и определяются уложением саксонским» [1].

Однако, по мнению И.Н. Трепицына, гражданский закон в Российской империи относил к владельцам тех, кто в классическом римском праве именовался держателем (например, хранители) [5]. Таким образом, владение сводилось к фактическому господству над вещью. В советское

время интерес к категории владения практически исчез, возможно потому что вещи, находящиеся в беститульном владении, признавались бесхозными и подлежали передаче в государственную собственность. К квинтэссенции советского подхода к владению можно отнести выражение Д.М. Генкина о том, что «советское право не знает особого права владения, а знает лишь правомочие владения, входящее в содержание различных субъективных прав» [6].

Как указывалось, ранее, только с принятием Концепции развития гражданского законодательства в 2009 году, в отечественной цивилистике вновь стали уделять внимание вещному праву в общем и категории владения в частности, и уходить от сложившейся за десятилетия советского периода примитивизации. Большинство работ сегодня сводится к обобщению и анализу накопленных знаний и исследований, вместе с тем, снова звучат идеи о том, что владение, будучи фактом, представляет собой единство двух начал физического (corpus) и волевого (animus).

Список использованной литературы:

1. Анненков К. Начала русского гражданского права. Выпуск 1, Спб., Типография М.М. Стасюлевича, 1900. - 697 с.
2. Венедиктов А. В. Избранные труды по гражданскому праву. В 2-х томах. Т. 2 / Венедиктов А.В.; Науч. ред.: Иванов А.А. М.: Статут, 2004. - 557 с.
3. Дождев Д. В. Владение в системе гражданского права // Вестник гражданского права, 2010. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Мейер Д. И. Русское гражданское право. М., 1873. - 622 с.
5. Трепицын И. Н. Приобретение движимостей в собственность от лиц, не имеющих права на их отчуждение. Варшава: Тип. Варш. учеб. окр., 1907. С. 428 - 429
6. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Статут, 2005. - 412 с.

Дата поступления в редакцию: 13.11.2019 г.

Опубликовано: 13.11.2019 г.

© Академия педагогических идей «Новация», электронный журнал, 2019

© Арсункаев М.Х., 2019